

«Маруся» портрет анархистки

Среди многих тысяч фамилий известных революционеров времен Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны даже в самых полных и авторитетных справочниках и энциклопедиях последнего времени почти не упоминаются имена представительниц слабого пола. Например, в энциклопедиях «Великая Октябрьская социалистическая революция» и «Гражданская война и военная интервенция в СССР» называется лишь чуть более двух десятков фамилий прославленных революционерок, и большинство из них являлись членами большевистской партии. Лишь имена правой эсерки Е.К. Брешко-Брешковской и левой эсерки М.А. Спиридоновой являются в этом списке исключением. Анархисткам же совсем не повезло, и у читателя может сложиться неверное мнение о том, что сторонниками этого политического течения были исключительно мужчины. Это не так, и мы попытаемся познакомить читателя с судьбой известной в годы Октябрьской революции и гражданской войны анархистки М.Г. Никифоровой или «Маруси», под именем которой она осталась в памяти народа.

Мария Григорьевна Никифорова, дочь офицера, прославившегося в русско-турецкой войне 1877—1878 гг., включилась в революционную работу с 16 лет. В 1908 г. за участие в террористическом акте (убийство исправника) она была приговорена к двадцати годам каторги, но сумела бежать во Францию, где занималась скульптурой и рисованием у самого О поста Родена, а также продолжала работать в различных анархистских организациях, в состав которых входило значительное число российских эмигрантов, создавших несколько самостоятельных анархистских групп и кружков. В годы первой мировой войны М. Никифорова окончила в Париже военную школу и получила звание офицера. После февраля 1917 г. она, как и многие другие российские политические эмигранты, вернулась в Россию, где продолжала активно заниматься революционной деятельностью [1].

Заметную роль М. Никифорова сыграла в период июльских событий 1917 г. в Петрограде, возглавив столичную делегацию анархистов в Кронштадт, где пыталась в ряде своих ярких выступлений (2-го и 3-го июля) склонить балтийских моряков к вооруженному выступлению на Петроград, для того, чтобы поддержать якобы начавшееся в городе восстание [2]. Ее выступления имели заметный успех и нашли сочувствие и отклик в широкой матросской аудитории, что во многом способствовало участию значительного числа моряков и солдат кронштадтского гарнизона в июльских событиях в Петрограде.

В период октябрьских и послеоктябрьских событий М. Никифорова была весьма заметной фигурой среди руководителей анархистских групп и организаций, широко развернувших свою деятельность в стране. Именно высокий авторитет М. Никифоровой привел к тому, что в начале 1918 г. она оказалась руководителем одного из анархистских отрядов, входившего в состав Красной Армии под командованием В.А. Антонова-Овсеенко.

Следы действий М. Никифоровой и ее отряда можно проследить в этот период в разных городах Украины и России от Одессы до Ростова-на-Дону [3]. Наиболее же заметную память о себе М. Никифорова оставила в г. Елисаветграде (ныне Кировоград). В период установления Советской власти в этом городе присутствие хорошо вооруженного многотысячного отряда М. Никифоровой помогло красногвардейцам и рабочим Елисаветграда практически бескровно взять власть. Однако, вскоре М. Никифорова и ее «Вольная Боевая Дружина» приступили к разгрому магазинов и раздаче товаров населению, действуя в духе многочисленных анархистских дружин и отрядов «Черной гвардии» в Москве, Петрограде и ряде других городов страны. Лишь решительное противодействие со стороны местных органов Советской власти и населения города остановило эти грабежи.

Была образована комиссия для урегулирования отношений с анархистским отрядом, которая ознакомившись с происшедшим, предложила анархистам покинуть город. Этому требованию М. Никифорова вынуждена была подчиниться, так как находившийся под влиянием большевиков Военно-революционный комитет г. Елисаветграда уже имел к тому времени в своем распоряжении значительные вооруженные отряды и полностью контролировал положение в городе [4].

После начала австро-германского наступления, события в Елисаветграде развивались трагически. В связи с начавшейся эвакуацией советских учреждений и войск из города правым эсерам и меньшевикам удалось объединить свои силы и создать «Временный комитет революции». Войска этого комитета разгромили красногвардейский отряд Беленкевича, а затем при новом появлении в Елисаветграде отряда М. Никифоровой (230 человек, 1 орудие, броневик) [5] в городе начались еще более ожесточенные бои. Причем «Временный комитет революции» привлек на свою сторону значительное количество горожан, в том числе часть рабочих, напуганных грабежами и погромами, учиненными отрядом М. Никифоровой во время ее первого пребывания в городе. Как писал В.А. Антонов-Овсеенко, «...буржуазия совсем оседлала рабочих и крестьян и выдвинула

лозунг „долой анархию". Со всех деревень были созваны солдаты, которым сказали, что они идут сражаться против Маруси, и в рядах стал заметен энтузиазм» [6]. Итогом боев 24-26 февраля явилось 86 убитых и 140 раненых. Только прибытие новых советских войск позволило нормализовать обстановку в городе.

Контрреволюционное выступление в Елисаветграде не привело бы к столь значительным жертвам с обеих сторон, если бы здесь не было М. Никифоровой и ее отряда, настроивших дебошами и иными противозаконными действиями большую часть населения города против себя, а в конечном счете, и против Советской власти, за интересы которой в то время М. Никифорова сражалась. Подобные дезорганизующие действия Маруси и ее отряд осуществляли ранее и в других городах Советской Украины.

Весьма примечательную характеристику Маруси дал анархист М.Н. Чуднов в воспоминаниях о своей молодости и об участии в анархистском движении в период гражданской войны. Вот, что он писал о М. Никифоровой: «Это была женщина лет тридцати двух или тридцати пяти, среднего роста, с испитым, преждевременно состарившимся лицом, в котором было что-то от скопца или гермафродита, волосы острижены в кружок. На ней ловко сидел казачий бешмет с газырями. Набекрень надета белая папаха» [7].

После ряда боев с немцами и гайдамаками, в которых Маруся и ее отряд участвовали вместе с советскими войсками, «Вольная Боевая Дружина» прибыла в начале апреля 1918 г. в Таганрог. Узнав о самовольных погромах и расстрелах, произведенных М. Никифоровой в Елисаветграде и Александровске (ныне г. Запорожье), Таганрогский военный комиссариат Украины и Военный Секретариат Украины разоружили ее отряд, а руководителей арестовали [8]. Была создана следственная комиссия, куда вошли два представителя таганрогской организации большевиков, два человека от таганрогской федерации анархистов и представитель ЦИК Украины [9].

После ознакомления с делом, комиссия оправдала действия М. Никифоровой и постановила освободить ее, а также отменить все меры, принятые против отряда «Вольной Боевой Дружины» [10]. Этому решению способствовало то, что В.А. Антонов-Овсеенко положительно характеризовал действия отряда анархистов против австро-германских войск [11], однако решение комиссии вызвало протесты среди солдат и рабочих города, знавших истинное лицо анархистской дружины и ее командира. В связи с этим, общее собрание солдат 1-го Революционного батальона украинских советских войск от 20 апреля 1918 г. постановило: «1. Считать решение следственной комиссии по делу Марии Никифоровой поспешным и следствие неполным, так как не были допрошены свидетели из батальона, бывшие раньше в отрядах Никифоровой, и начальник батальона. 2. Протестовать против прокламации, выпущенной штабом бывшего отряда Никифоровой, обливающей помоями командира батальона т. Каско. 3. Требовать немедленного назначения новой следственной комиссии. 4. Требовать передачи всех показаний свидетелей по делу Никифоровой гласности через печать» [12]. (Как видим, гласности не хватало и тогда.)

Только приближение войск австро-германских оккупантов помешало довести дело Маруси и ее отряда до логического конца. «Вольная Боевая Дружина» направилась в г. Ростов-на-Дону. Здесь, а также в Новочеркасске, отряды анархистов во главе с Васильевым, Бароном, Никифоровой и другими занимались грабежами, обысками и арестами. Анархистские отряды «Черной гвардии» представляли собой внушительную силу, вследствие чего постановление Президиума Исполнительного комитета об их разоружении оказалось невыполненным [13]. К тому же на помощь местным анархистским отрядам прибыли десятки других дружин и отрядов «Черной гвардии», отступавшие с Украины. Эти обстоятельства способствовали тому, что анархисты буквально терроризировали население города, ограбив и запугав его, а накануне сдачи Ростова-на-Дону войскам интервентов занялись уничтожением «капитала»: свалили в кучу на площади акции, облигации и различные ценные бумаги, взятые из банков, и начали их жечь [14]. Заметную роль в этой анархистской вакханалии сыграла и М. Никифорова со своими «орлами».

Вот как описывал происходящее в городе один из очевидцев: «В эти дни горячка организации органов власти и в то же время появление анархистов. Маруся... „Испанцы" в длинных волосьях и в черных пелеринах... Из-за поясов торчат дула больших кольтов, и, рукоятками кверху, в карманах бомбы.

К этим налетным друзьям присоединились некоторые братишки в клешах с золотыми дамскими браслетами на руках, сжимавших чудодейственную „бутылочку"...

—Братишки, сторонись!

Клеш в цилиндре тащит за собой „максимку" и устанавливает на углу Таганрогского.

—Наша взяла!

—Оцепили?

—Готово!

—Та—та—та—та...

По Донскому областному исполкому!

—Готово!

—Крой их б...!» [15]

После Ростова-на-Дону следы М. Никифоровой и ее отряда обнаруживаются в Воронеже. Именно к этому периоду относится характеристика анархистской атаманши, данная одним из активных участников гражданской войны М.Г. Рошалем, находившимся здесь весной 1918 г.: «По улице с бешеной скоростью мчится экипаж. Небрежно развалясь, сидит в нем молодая брюнетка в заливчатски одетой набекрень кубанке, рядом, повиснув на подножке, плечистый парень в красных гусарских рейтузах. Брюнетка и ее телохранители увешаны оружием. Чего здесь только нет! Сабли, маузер в деревянной кобуре, ручные гранаты...» [16]. После пребывания в Воронеже отряд Никифоровой учинил разбой на станции Графская, аналогичными действиями отличился он и в Брянске [17].

В конце-концов за противоправные действия Маруся в сентябре 1918 г. была арестована по решению местного Совета Саратова. Она была привезена оттуда в Москву и заключена в Бутырскую тюрьму [18].

В Москве Никифорова была отдана под суд. Московский революционный трибунал после обстоятельного разбора дела с заслушиванием обвинителя Р.П. Катаньяна и защитника М.Г. Гурьева 21 и 23 января 1919 г. указывал в обвинительной части приговора, что М. Никифорова без ведома местных совдепов производила во многих городах реквизиции продуктов интендантства, частных магазинов и обществ, накладывала на помещиков контрибуции на большие суммы, забирала оружие и орудия, оставленные гайдамаками. Когда же советы протестовали, она грозила им, окружала здание Советов пулеметами, арестовывала членов исполкомов. Ее отряд расстрелял воинского начальника, за неисполнение приказов она приговорила к расстрелу председателя Елисаветградского совета и пр. [19]. Член Центрального комитета Украины Ю.Л. Пятаков, образовавший по поручению правительства Украины комиссию для разбора дела М. Никифоровой, показал, что последняя «дезорганизовывала очень часто оборону против немцев и белогвардейцев, что своими выступлениями она вынуждала многих коммунистов сражаться против нее, занималась грабежами и является попросту бандиткой, действовавшей под флагом Советской власти» [20].

Военный трибунал признал Марию Григорьевну Никифорову виновной: в дискредитировании Советской власти своими поступками и действиями ее отряда в некоторых случаях; в неподчинении некоторым советам на местах в сфере военных действий. Обвинение в грабежах и незаконных реквизициях трибунал отменил. Считая Марусю виновной по двум пунктам, трибунал нашел ее заслуживающей снисхождения и *приговорил к лишению права занимать ответственные посты в течение шести месяцев со дня приговора* [21]. Из-под стражи М. Никифорова была освобождена на поруки члена Ц.И.К. анархиста А. Карелина и командующего советскими войсками на Украине В.А. Антонова-Овсенко [22].

Столь мягкий приговор трибунала объясняется не столько гуманностью Советской власти, сколько учетом заслуг М. Никифоровой в борьбе за установление Советской власти на Украине и в боях против австро-германских интервентов и гайдамаков, хотя следует иметь в виду, что У суда не было веских доказательств и сведений о другой — дезорганизующей — деятельности отряда М. Никифоровой. Сложная обстановка на фронтах гражданской войны не позволила достаточно объективно оценить всю совокупность действий «Маруси». Сказались и ошибки В.А. Антонова-Овсенко, в руководстве подобными отрядами, считавшего, что определенная вольность по отношению к выполнению приказов вполне допустима, если отряд и его командир проявляют умение и стойкость в боях против сил контрреволюции.

К тому же надо признать, что реквизиции товаров и продуктов и другие противоправные действия М. Никифоровой и ее анархистского отряда не были в период гражданской войны чем-то из ряда вон выходящим, так как в отсутствие централизованного снабжения вооруженных отрядов, борющихся против интервентов и белогвардейцев, к такого рода методам добычи провизии и провианта прибегали и другие вооруженные формирования независимо от их принадлежности или подчинения тем или иным партиям.

Весной 1919 г. М. Никифорова вновь оказывается на Украине. На этот раз в армии Н. Махно, сражавшегося в то время против войск генерала Деникина на стороне Советской власти. Маруся занималась в махновской столице — Гуляй-Поле — школами, госпиталями, детскими садами, часто и с неизменным успехом выступала на многочисленных митингах и собраниях перед повстанцами. Участвовать в руководстве боевыми отрядами ей не разрешалось: Махно решил не допускать ее до военной работы. Повлияло на это, вероятно, и решение военного трибунала в Москве [23].

Однако вскоре, во время пребывания Л.Б. Каменева (он был, по предложению В.И. Ленина, послан Советом рабоче-крестьянской обороны на Украину с чрезвычайными полномочиями для решения проблемы ускоренного продвижения продовольственных грузов к Москве и другим промышленным центрам России и с инспекционной миссией) в армии Махно в Гуляй-Поле в мае 1919 г. М. Никифорова упростила его послать телеграмму в Москву с просьбой сократить наполовину приговор в отношении занятия ею командных должностей в армии [21]. Правда, вряд ли это помогло Марусе вновь включиться⁴ в активную революционную деятельность в качестве командира какого-нибудь из анархистских отрядов, поскольку Нестор Махно в конце мая 1919 г. выступил против Советской власти, что вскоре привело к отъезду с территории, занимаемой махновцами, ряда анархистов, не согласных с решением «батько» Махно. Среди них была и М. Никифорова, хотя подлинные мотивы ее ухода из Гуляй-Поле в настоящее время не вполне ясны.

Усиление работы по созданию регулярной Красной Армии привело к ликвидации или самороспуску анархистских отрядов и «Вольных Боевых Дружин» типа воинского формирования М. Никифоровой. Анархисты, как руководители, так и рядовые члены воинских формирований, или становились на путь открытой борьбы против Советской власти, или шли на ее защиту, зачастую пересматривая свои взгляды, нередко вступая в ряды большевиков. Маруся выбрала несколько иной путь.

Летом 1919 г. она оказалась в Крыму и намеревалась оттуда, по воспоминаниям уже упоминавшегося нами анархиста М.Н. Чуднова, вместе со своим мужем, тоже анархистом, Бжостаким, пробраться в Польшу. Она обращалась для этого за денежной помощью к крымским анархистам, но вскоре была схвачена белыми и расстреляна [25]. По другим сведениям она была арестована, будучи переводной в офицерскую одежду, в Киеве, еще в июне 1919 г. [26], а затем в октябре 1919 г. в Севастополе военно-полевым судом Мария Никифорова была осуждена на смертную казнь через повешение. Приговор был приведен в исполнение, что и было подтверждено в газете «Известия» от 21 октября 1919 г. [27].

Не вполне ясна пока и роль М. Никифоровой в деятельности так называемых «анархистов подполья» и помогавших им левых эсеров, совершивших 25 сентября 1919 г. взрыв в здании МК РКП(б) в Леонтьевском переулке. В результате этого террористического акта, целью которого было устранение В.И. Ленина, оказалось убито 12 человек, включая секретаря МК РКП(б) В.М. Загорского, а ранено 55 коммунистов и среди них видные большевистские лидеры А.Ф. Мясников, М.С. Ольминский, М.Н. Покровский, Ю.М. Стеклов, Е.М. Ярославский и др. В результате расследования обстоятельств дела выяснилось, что «анархисты подполья» во главе с Д.А. Черепановым использовали московскую квартиру М. Никифоровой. Однако, было ли это случайностью или Маруся знала о готовящемся террористическом акте, пока остается загадкой.

На этом можно было бы поставить точку, если бы не два обстоятельства. Дело в том, что, во-первых, сам образ анархистской атаманши Марии Никифоровой настолько запечатлелся в народной памяти, что слухи о погромах и грабежах разудалой атаманши Маруси появились и в 1920—1921 гг. во время крестьянского восстания под руководством эсера А.С. Антонова в Тамбовской и частично Воронежской губерниях (так называемая «антоновщина»). Однако при проверке оказалось, что под именем Маруси скрывалась Мария Косова, возглавлявшая одну из антоновских боевых групп, отличавшуюся примерно такими же действиями, как и прежняя «Вольная Боевая Дружина» под командованием М. Никифоровой, т.е. настоящей Маруси [28].

Само собой разумеется, что появившиеся на какое-то время слухи о Марусе, оказавшейся вдруг живой и невредимой на территории разросшегося, антоновского восстания, утихли. Однако ненадолго. Время от времени стали появляться разговоры, что М. Никифорова не была ни расстрелена, ни повешена белыми, а вернулась в Москву, и, будучи завербованной органами ЧК, якобы отправилась с соответствующими заданиями во Францию. Конечно, можно эти слухи проигнорировать. Однако, по воспоминаниям известного чекиста Д. Медведева, ему еще в 1920 г. удалось привлечь к сотрудничеству с советской разведкой самого Левку Задова (Л.Н. Зиньковского). Это подтвердил и сын Льва Николаевича Зиньковского — Вадим Львович, написавший некоторое время тому назад в редакцию газеты «Советская Россия» о том, что его отец служил в ЧК—НКВД. 26 августа 1937 г. он был арестован и на запросы о судьбе отца Вадим Львович получил ответ от органов НКВД, из которого следовало, что в 1942 г. Л.Н. Зиньковский умер от перитонита [29]. Что стоит за этой формулировкой, мы в настоящее время прекрасно знаем. Но если подобный, прямо-таки обескураживающий нас своей необычностью, поворот в судьбе Левки Задова мог произойти, то, может быть, и слухи о дальнейшей судьбе М. Никифоровой имеют право на жизнь?

ЛИТЕРАТУРА

1. Правда. 1919, 25 янв.; Жизнь и творчество русской молодежи. М., 1919, N 17. С. 8.
2. *Раскольников Ф.Ф.* Кронштадт и Питер в 1917 г. М. — Л., 1925. С. ПО; *Петраш В.В.* Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М.—Л., 1966, С. 150.
3. Там же.
4. *Антонов-Овсеенко В.А.* Записки о гражданской войне. Т. 2. М., 1924, С. 68.
5. Годы борьбы 1917—1927. Сборник воспоминаний и материалов по истории революционного движения на Зиновьевщине. Зиновьевск, 1927, С. 16, 34—35.
6. *Антонов-Овсеенко В.А.* Указ. соч. С. 65
7. В огне гражданской войны. Сборник документов и материалов. Одесса, 1962, С. 42—43; *Янчевский Н.Л.* Гражданская борьба на Северном Кавказе. Т. 2. Ростов-на-Дону, 1927, С. 17.
8. *Чудное М.Н.* Под черным знаменем (записки анархиста). М., 1930, С. 145.
9. Правда. 1918, 20 апр.
10. *Зайцев И.* 1917—1918 гг. в Таганроге // Пролетарская революция, 1926, N 10 (57), С. 82.
11. Там же.
12. *Антонов-Овсеенко В.А.* Указ. соч. С. 231—232.
13. *Зайцев И.* Указ. соч. С. 83.
14. *Чудное М.Н.* Указ. соч. С. 216.
15. *Ронис-Кантовский А.Х.* Отрывки воспоминаний // Каторга и ссылка, 1932, N 792, С. 25.
16. *Янчевский Н.Л.* Указ. соч. С. 17.
17. *Рошаль М.Г.* Записки из прошлого. М., 1969, С. 15.
18. Там же.
19. Правда. 1919. 25 янв.
20. Там же.
21. Там же.
22. Там же.
23. Там же.
24. *Антонов-Овсеенко В.А.* Указ. соч. Т. 4, С. 112.
25. Экспедиция Л.Б. Каменева для продвижения продгрузов к Москве в 1919 г. // Пролетарская революция, 1925, N 5 (41), С. 139.
26. *Чудное М.Н.* Указ. соч. С. 216.
27. Известия. 1919, 2 июля.
28. Там же. 21 окт.
29. Сельская молодежь, 1987, N 9, С. 14—15; Советская Россия. 1987, 20 дек.